

ЮРОДИВЫЙ В МУЗЕЕ

Выставка работ Анатолия Зверева открыта в Третьяковской галерее

Независимая газета — 1999 — 10 сентябрь — с. 7

Анатолий Зверев. Конь. 1985.

Михаил Сидлин

ЗВЕРЕВ 7 августа 1999 года лежал на полпути между Третьяковской галереей и станцией метро, на углу дома: небритый, потертый, опухший от многолетнего запоя. Сходство безвестного бомжа с художником было так велико, что стоило сказать: «Чур, чур меня!» и плюнуть три раза через левое плечо. Настоящий Зверев давно уже лежит прахом в земле сырой. А в главном московском музее русского искусства открылась выставка его работ. При жизни Зверев чаще ходил туда с черного хода: пить с реставраторами.

От Зверева при жизни разило сразу всеми выделениями человеческого тела. Плюс перегаром. Стояло такое густое амбре, что находиться вблизи него больше десяти минут было решительно невозможно. Ходил он в каких-то рваных обмотках, заплыванных, заблеваных и залитых краской. И тем не менее у него были десятки друзей. Зверев жил по чужим семьям: друзья передавали его с рук на руки. Поживет недельку у одних: отмоют, отстирают, потом уже алкогольных закидонов и терпкого запаха терпеть больше не могут и передают дальше, по кругу. Одним из зверевских друзей была Полина Лобачевская, ныне — содиректор галереи «Кино». Ее портрет можно увидеть сегодня в зале Третьяковки. Галерея «Кино» по весне организовала выставку Зверева в Московском аукционном доме. Осенью новая выставка Зверева открыла новый сезон в Третьяковке. Инициатор — «Кино».

Когда крымские послы за данью пришли в Москву, Иван Грозный встретил их в истрепанной шубенке и сказал что-то вроде того, что Ельцин регулярно говорит кредиторам из МВФ: какая дань, смотрите, как само то бедно живем. Юродство — не только часть народной русской

культуры, оно вошло в обычай интеллигенции и даже политиков. Тот же Иоанн Васильевич, царь всея Руси, написал Канон грозному ангелу Михаилу от имени Парфения Уродивого. Сила юродства состоит в сочетании уродства со святостью, причем одно с другим смешано так, что разделить их решительно невозможно. Уродство представлял собою сам внешний облик Зверева. А святость состояла в таком волшебном соединении руки и глаза, которое завораживало всех, кто наблюдал за тем, как Зверев рисует. Он просто брал в руки что угодно — от шпателя с полусохшей краской до собственных соплей — и мазал по любой поверхности в любой удобный для него момент, при этом продолжая заниматься тем, чем занимался и до этого. Он даже не смотрел на то, что делал: глаз видел лишь натуру, а рука ходила по листу сама. И очень скоро изпод рук выходила работа. И час-

но — такая, которую все принимали на ура. Зверев — художник исключительно русский. В том смысле, что юродство — оригинальная часть русской культуры, которая иностранцу понятна с трудом, а русским воспринимается без удивления. Для поколения московских любителей искусств, которое сформировалось в пятидесятых-шестидесятых, Зверев был живой иконой. Его легкая рука казалась прямым и явным признаком гения. И от него остались тысячи работ, которые лежат в домах бывших приятелей, коллекционеров, случайных знакомых и первых встречных. В Третьяковке выставлены 233 работы: большое число, если судить в масштабах выставочных залов. В масштабах Зверева — возможно, сотая часть.

Один мой друг пришел как-то на Малую Грузинскую, а там при входе сидит рвань алкашеская и говорит: дай руль, и я тебя нарисую. Друг мой, конечно, послал незнакомого попрошайку куда подальше. Тем сияяком, естественно, был Зверев. История фольклорная, таких историй — десятки. Но та дерзкая беспечность, с которой Зверев производил, дарил и раздавал работы, сказалась на репутации его творений — еще при его жизни клепали фальшивых Зверевых. А после смерти мутный вал фальшивок, смешанных с оригиналами, захлестнул Москву. Устроители новой выставки надеются, что она станет образцовой. И клянутся, что в Третьяковке выставлены только оригинальные работы, потому что все они отобраны прямо из коллекций, собранных людьми, лично знавшими Зверева и получившими работы прямо от него. Одна из лучших — коллекция, подаренная Третьяковке Зинаидой Поповой-Плевако.

Зверев позировал себе с любовью и иронией. Портрет в позе Рембрандта (конец пятидесятых) — взлет головы, взгляд искоса и вихры — одна из многих зарисовок Зверевым себя. Почти что весь первый зал на выставке — графические автопортреты. Зверев везде: во всех залах его изображения. Он в 57-м рисует акварелью завязатого декадента — шая изогнута, зрачки ушли в углы глаз, взгляд направлен куда-то за спину. А вот он в 80-м году — почти что рубенсовский персонаж, сочно написанный маслом: с раздутыми щеками, неказистой бородкой и лукавым взглядом сатира; а главное — в огромной соломенной шляпе, которая, как солнце, освещает всю картину. Тут есть и страш-

ный Зверев-56 — с лицом, залитым черной акварелью, но не сплошь, а линиями: сплюснутая полосатая физиономия «черного человека». И есть Зверев-57, словно высывающийся в шель, которая открылась внутри листа: так, что видны лишь растрепанные вихры, усики, глаза, нос и змейка рта, искривившегося кверху левой губой; вот рисунок, поразительный ярким и оригинальным видением соотношения между белым полем, черным изображением на нем и подписью (ее росчерк небрежно брошен вверх — над рисунком, и этот росчерк играет важную роль в композиции листа). Зверев был рисовальщиком от Бога и колористом таким, каких было немного в его эпоху. В тридцатые он был бы незаметен, появившись он на свет, как художник, в тридцатые. В шестидесятые — стал признанным героем арт-подполья.

Большие глаза, брови стрелочками, худоба лица, как бы летящего в пространстве, и яркие цветные (маслом или акварелью) пятна — женское лицо. Зверев рано выработал такой стереотип изображения и следовал затем ему без остановки — на потребу почитательницам, которым такими и хотелось выглядеть. Женские портреты — одна из тех статей, которыми художник зарабатывал. Все его женщины похожи друг на друга, как сестры. За исключением двух: Оксаны Асеевой, которая была самой душевной подружкой художника, и матери.

Гротеск — вот та стихия, в которой Зверев был королем рисунка. Мрачная брейгелевская старуха с обвисшим жировым мешком под подбородком, толстыми оттопыренными губами и (главная деталь) огромным носом с горбинкой — «Портрет матери» (пятидесятые). Здесь нет не только никакой «красивости», но даже, наоборот, все характерные черты преувеличены до уродства. В другом «Портрете матери» (конца пятидесятых — начала шестидесятых) она стирает в тазу белье — и вся фигура словно подернута рябью особой дрожью влево-вправо, которая так характерна для прачки: складки правого рукава змеятся, силуэт спины двоится, удары линий, образующих фигуру, стремительны и резки, резкий зигзаг, бегущий от силуэта, напоминает о летящих брызгах и отлично передает сам характер движения туда-сюда. Экспрессия — еще одна черта, которая так выделяет Зверева на фоне современников. Магия таланта этого юродивого влечет к себе и до сих пор.

282783